

У Ю Хваи была очаровательная улыбка, напоминающая распускающийся цветок, но в то же время она была печальной, как увядшая камелия. Чистота этой красоты была настолько завораживающей, что все сразу забывали о его зловещем смехе.

Он словно не принадлежал этому миру. Иногда он казался уродливым демоном, а в другие моменты излучал ауру святости, из-за которой никто не решался приблизиться к нему.

Ю Хваи снова нарушил молчание.

— Теперь я должен выполнить своё обещание, — заявил он.

В его руке появился осколок стекла, происхождение которого осталось загадкой. Из ладони юноши начали стекать алые капли крови. Несмотря на глубокую рану, он не выказал ни малейшей реакции на боль.

В руке Ю Хваи сверкнул осколок стекла, и кровь брызнула, словно рассыпая алые лепестки. Он вонзил этот осколок себе в сонную артерию. Очнувшись от шока, Кан Хёндо подбежал к нему и поймал, когда тот упал.

Кан Хёндо дрожал, обнимая Ю Хваи. В этот последний момент они в последний раз взглянули друг на друга. Хотя Ю Хваи не испытывал никаких угрызений совести, Кан Хёндо слишком поздно осознал свою привязанность к нему. Но все усилия были напрасны — через несколько минут он перестал дышать.

После кончины Ю Хваи сюжетная линия внезапно привела к радостному завершению. И Кан Хёндо наконец-то смог воссоединиться со своим любимым человеком. Но, углубившись в размышления, я начал осознавать, насколько загадочной была смерть Ю Хваи. Это вызывало у меня беспокойство. Больше всего меня обеспокоила его фраза о выполнении какого-то обещания. В романе это обещание упоминалось только в одной сцене — перед самоубийством. И это было очень неожиданно.

Хотя сюжет в основном сосредоточен на главном герое, мне было грустно, что было настолько мало информации о Ю Хваи. Что так же являлся важным персонажем. Из-за скудных объяснений, особенно касательно его смерти, я мог упустить некоторые важные детали.

Однако мне удалось узнать некоторые ценные сведения. Ю Хваи упомянул, что не смог убить своего отчима. Если его слова верны, это означает, что смерть отчима была самоубийством. Возникает вопрос: зачем ему это было нужно? Из чувства вины?

— У меня уже кружится голова, — признался я себе.

После долгих раздумий мне показалось, что мой разум вот-вот закипит. Пока я массировал виски, пытаюсь найти ответ на загадку Ю Хваи, раздался стук в дверь.

— Войдите, — сказал я.

На пороге стоял мой отчим.

— Ты отдыхал? — спросил он.

— Да.

— В этой комнате многое нужно изменить, — сказал он. — Я позабочусь об этом.

Однако мне казалось, что в комнате есть всё необходимое. Здесь была удобная кровать, хорошо оснащённый рабочий стол и комод. Мне было комфортно.

— В этом нет нужды, — сказал я.

— Тогда дай мне знать, если тебе что-то понадобится.

До встречи с моей матерью этот человек не был замешан в громких скандалах, несмотря на своё значительное состояние и привлекательную внешность. Казалось что я смотрю на взрослого Кан Хёндю. Он тоже выглядел серьёзным и почти не проявлял эмоций.

Мне очень хотелось узнать у него о том, что он обещал Ю Хваи. Если бы я прямо спросил об этом, то, скорее всего, получил бы ответ, но это бы вызвало новые вопросы. Поэтому я просто кивнул, не выражая эмоций, в надежде, что он уйдёт.

Однако мужчина продолжал стоять неподвижно, пристально глядя на меня, словно хотел что-то сказать. Его присутствие становилось всё более неприятным и утомительным. И вдруг я услышал ответ, который совсем не ожидал услышать.

— Возможно, сейчас ты не веришь мне, но я постараюсь заслужить твоё доверие в будущем. Тогда тебе не нужно будет выполнять обещание, которое ты дал мне.

Это неожиданное признание поразило меня. Он упомянул то самое загадочное обещание, о котором говорил Ю Хваи незадолго до своего самоубийства.

— Обещание? — переспросил я.

— То невыполнимое обещание, которое ты дал мне, Хваи.

Я прищурился, пристально глядя на отчима, безмолвно призывая его объясниться.

— Вы ведь бизнесмен, господин?

Брови мужчины слегка нахмурились, когда я назвал его господином. Похоже, ему не нравилось это обращение. Но у меня не было желания называть его отцом.

— Давай обсудим это. Если мы не решим проблему сейчас, потом будет только хуже, — сказал он.

Вместо того чтобы ответить на вопрос с раздражением, мужчина ласково провёл рукой по моим волосам, как я обычно делал с Хёндю. Я задумался, не стоит ли уклониться от прикосновения, но его рука продолжала настойчиво гладить меня по волосам.

Поскольку я молчал, отчим продолжил говорить:

— Хорошо, если случится такая трагедия, как ты говоришь, убей меня своими руками.

Несмотря на то что он говорил о собственном убийстве, на его лице появилась едва заметная улыбка. Казалось, он находил эту ситуацию занимательной, что лишь усиливало мою тревогу. Рука на моей голове вызвала у меня раздражение, а каждое слово Кан Рюндю причиняло боль.

— Но, как ты уже говорил, я бизнесмен. Я не затрагиваю темы, которые кажутся мне неосуществимыми. Я убеждён, что наша семья будет счастливой, — заявил он с непоколебимой убеждённостью, которая напоминала вложение в акции, уже ставшие банкротами. Его слова окончательно лишили меня сил.

— Все, должно быть, ждут нас внизу. Ужин готов. Пойдём, — предложил он, прежде чем выйти из комнаты.

Я последовал за ним, и по мере нашего спуска, разрозненные кусочки информации, которые раньше не имели смысла, начали складываться в цельную и логичную картину...

Решение Ю Хвай покончить с собой не было вызвано отчаянием. Это было мучительное желание воссоединиться с отчимом в мире ином и совершить то, чего он не успел сделать при жизни.

Меня затопила волна тошноты. Это было чистое безумие.

«Безумный».

Я не мог постичь Ю Хвай и не стремился к этому. Порой лучше оставить попытки проникнуть в мысли безумца.

Акт второй: лихорадка.

Мы собрались за столом, чтобы поужинать. Мама расположилась рядом со мной, Кан Хёндо занял место напротив, а отчим сидел прямо передо мной. Мне показалось необычным, что мужчина предпочёл сесть напротив меня, а не во главе стола.

С каждым куском, который я отправлял в рот, взгляд моего отчима становился всё более оживлённым, как будто он надеялся услышать мой отзыв о еде. Но мне было нечего сказать. Всё было невкусно! И незнакомые блюда, и то, что я не мог выбрать что-то менее острое или кислое.

Хотя мы ужинали дома, все блюда были такими, будто их приготовили в премиальном ресторане. Особенно впечатлил стейк — вкус был насыщенно маслянистым, и я незаметно отправил откушенный кусочек в салфетку, делая вид, что вытираю рот.

Список продуктов, которые я не люблю, был достаточно велик. Так что проще было бы перечислить те, которые я могу есть. И хотя я стал Ю Хваи, мои предпочтения остались прежними. Это не вопрос вкуса — скорее, дело в психологии.

У меня и так не было особого аппетита, а после стейка мне ещё больше расхотелось есть. Вкус масла во рту вызывал тошноту. Хотя я чувствовал голод из-за того, что не поел как следует, я не хотел заставлять себя есть незнакомые продукты.

Это было испытание, которое казалось непреодолимым.

Я с некоторой опаской поднёс вилку к тарелке с неизвестным мне блюдом, но тут же отпрянул, почувствовав странную текстуру.

«Что это вообще такое?» — я внимательно рассматривал блюдо, пытаюсь понять, что это, но не мог. Оно напоминало пудинг или желе, но выглядело неаппетитно. Моя настороженность к незнакомой пище заставила меня отказаться от блюда, я лишь бросил на него неодобрительный взгляд.

В этой битве с новыми блюдами я, в конце концов, посмотрел на маму и повторил её выбор. Всё, что казалось мне невкусным, я незаметно выплёвывал. В какой-то момент мама любезно поставила передо мной знакомый мне салат из куриной грудки.

С радостью я приступил к еде, и в этот момент отчим обратился к матери.

— Если завтра ты не слишком занята, не могла бы ты уделить мне немного времени? — спросил он.

Хотя он был значительно старше моей матери, он всегда обращался к ней с почтением. В его личности было немало качеств, которые меня раздражали, но именно эта черта мне в нём и

нравилось.

— У меня нет никаких планов, но зачем я тебе? — спросила она.

— Дизайнер приедет, чтобы обсудить наряды наших сыновей... А также, чтобы подобрать тебе подходящее платье, — ответил он.

— А как же твой костюм? Или я буду одна на свадьбе? — шутливо спросила она.

— Это не так! Я не это имел в виду, — ответил он.

— Я просто пошутила.

Моя мать весело рассмеялась. Мужчина смутился и покраснел, но было видно, что ему это понравилось. Их общение в таком стиле меня раздражало, и я чувствовал, что мне становится неловко. Я отвернулся, чтобы не смотреть на них.

Внезапно раздался громкий звук.

Этот звук привлёк внимание всех присутствующих. Все посмотрели на Кан Хёндю. Мальчик выглядел почти испуганным. На полу лежала его вилка. Один из слуг подошёл, чтобы поднять её и заменить на новую.

Было очевидно, что Хёндю был взволнован. Когда наши взгляды встретились, он быстро сделал серьёзное лицо, скрывая свои эмоции. Наблюдая за его попытками взять себя в руки после такого очевидного волнения, я нашёл это поведение милым.

«Неужели меня так впечатлило что-то настолько обыденное?» — подумал я.

<http://bllate.org/book/12990/1143856>